

Политическая теология Данте Алигьери: взгляд на Империю через принцип Троицы

Научный руководитель – Рогатин Владимир Николаевич

Бобров Владимир Дмитриевич

Студент (бакалавр)

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казань, Россия

E-mail: vladimir.bobrov.05@mail.ru

Данте Алигьери, во многом, отражает то, что Николай Кузанский назовет *coincidentia oppositorum*. Беатриче не любила его, но открыла ему Высшую Любовь; будучи пламенным патриотом Флоренции, он был изгнан в Равенну; относя себя к белым гвельфам, он воспел идеал Универсальной империи. Итальянская политическая мысль совершила весьма оригинальный ход, сделав божественного поэта знаменем Рисорджименто. Нарастающий интерес сочинения Данте вызывали и в России. Сначала к ним обратилась литературная интеллектуальная элита (К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский, А.И. Тургенев, В.Л. Пушкин), а затем новое, политическое прочтение Данте дали В.С. Соловьев и Ф.И. Тютчев. И для итальянцев, и для русских политический опыт Данте в данном случае был привлекателен, поскольку в культурной перспективе он выступал, скорее, как римский поэт, нежели как итальянский, а потому был интересен и «Первому», и «Третьему» Риму. Пожалуй, мы можем сказать, что на некоторое время Данте-политик затмил Данте-поэта.

Земная жизнь Данте совпала с периодом, когда в его родном городе – Флоренции, боролись гвельфы, поддерживающие модель, при которой духовная абсолютная власть Папы сочетается с относительной свободой городов, и гибеллины, отстаивающие первенство и главенство императора Священной Римской Империи над Папой и городами. Данте понимал, что всякое дробление и борьба властей есть губительный для человечества процесс. Трактат «Монархия» является своеобразным ответом на кризис эпохи. Суверенный партикуляризм городов-государств мыслился автору как онтологическая катастрофа, то есть отдаление от телоса человечества. Данте развивает мысль Аристотелевой «Политики»: как тело есть иерархически устроенная энтелехия, где каждый орган обретает смысл лишь в служении целому, так и человек, семья, город и государство должны стремиться к единому началу – Монарху, суверену, через которого сообщается божественный порядок. В таком универсальном полисе, согласно Данте, возможен мир, необходимый для целостной реализации человеческой интеллектуальной потенции [1].

Выстраивается онтологическая иерархия: Природа, над которой властвует Человечество, отвечающее перед Монархом, и Монарх, ответственный за Человечество перед Богом. Церковь как структура обретает качественно иное прочтение, которое символически обозначено в Эмпирее: Беатриче, рядом комментаторов соотносимая с олицетворением Священства, по восхождению к вершине мироздания, покидает Данте, традиционно связываемого с имперским началом. К созерцанию Бога героя готовит уже Бернард Клервоский – мистагог, обладающий непосредственным знанием божественного. Смена проводника, в «Комедии» происходящая не единожды, символизирует последовательное инициатическое восхождение от язычества к христианству и затем к их универсальному синтезу (также от разума к вере, а затем к умозрительному опыту). В восприятии Данте природы Вергилия, Беатриче и Бернарда выступают частью вселенского единства, но, в то же время, сохраняется их иерархическое распределение: Вергилий остается в лимбе, Беатриче и Бернард пребывают в Эмпирее, созерцая Троицу, Которая открывает сочетание всех вещей в космической гармонии.

То, что увидел Данте довольно удачно описано в переводе Владимира Микушевича, в стихах, посвященных райскому блаженству: «я втебяиваюсь, ты вменяиваешься и мы въегоиваемся», то есть вбоживаемся, враиваемся – познаем божественность. Так каждый субъект остается целостным и самостоятельным, но, в то же время, служит раскрытию единой общей Субстанции. Подобным образом, у Данте идея Империи соединяет в себе и дохристианскую традицию, и Церковь, и Государство, служащие двум главным целям – человеческому счастью и спасению. Вопросу метафизической ассимиляции посвящено современное исследование В. Н. Назарова «Истоки и смысл визионерского опыта Данте: от куртуазных видений к райским созерцаниям», где проводится анализ «визионерского параллелизма» восхождения Данте к небесам Рая и к таинствам любви, подобную параллель можно провести и с политическими воззрениями Данте. Эту мысль в некотором роде обозначил Юлиус Эвола в «Мистериях Грааля», ранее, в период Рисорджименто, к ней обращались Джакомо Леопарди в работе «Этика и Эстетика» и Винченцо Джоберти в труде «О духовном и гражданском первенстве итальянцев».

Эта идея последовательно раскрывается через соляриный символизм. В «Монархии» у Данте Церковь и Государство предстают как два равновеликих Светила, два Солнца: Понтифик благословляет Монарха на правление, дабы тот выражал его волю в мире, сам же глава священства заботится о духовной жизни человечества, выступая, соответственно своему званию, «строителем мостов» между божественным миром, и миром человека, который должен создать на земле образ Царства Божьего - Град Божий (здесь Данте согласует свою теорию с учением Блж. Августина). Монарх призван обеспечить мир на земле, чтобы человечество, смогло так реализовать свою природу, что та будет способна принять Град Божий, отвергнув Град Земной, и «взойти» по тому «мосту», что строит Понтифик [1]. Однако в данном разграничении содержится старая проблема дуальности, двоевластия, которое, согласно Данте, не позволяет прийти к миру, ибо, как показали гвельфо-гибеллинские войны, Папа и Император не смогли распределить власть. Соответственно, нужен медиатор, который не имеет власти в мире сем (как Император) и не имеет прямой юрисдикции над душами (как Папа), но обладает знанием и вдохновением.

В финале «Божественной Комедии» мы видим патристическое изображение Троицы как Трех Солнц [2]. И здесь очевидное пересечение символьных рядов, Данте говорит о перенесении Божественного принципа Троичности на устройство Империи. Однако, кто предстанет Третьим связующим лицом? В традиционалистской интерпретации, не лишенной оснований, ответ однозначен – это пророк. Место ветхозаветных пророков в христианский период истории должны занять поэты, как боговдохновенные тайновидцы, мистагоги, они будут посредниками между Государями и Понтификами. Владимир Сергеевич Соловьев в «Великом споре» отмечает, что этот принцип напоминает устройство Троицы, на что, местами, указывает и сам Данте («пусть цезарь окажет Петру уважение, проявляемое первородным сыном к отцу») [1].

Священник, как Отец, относится к Монарху, как к Сыну, реализующему его волю и замысел в мире, а Поэт-Пророк связывает Монарха и Священника, подобно Святому Духу, и возвещает истину человечеству. Так снимается проблема двоевластия. Остается решить, какая модель троичности здесь реализуется, В.С. Соловьев, склоняется к западному концепту *Filioque*, однако отмечает слова самого Данте на этот счет: Император стоит в непосредственном отношении к главе вселенной, то есть к Богу [4]. Иную точку зрения в сочинении «Россия и Запад» предлагает Ф.И. Тютчев: «Единственно возможный выход. Империя восстановлена. Папство секуляризовано» (при этом необходимо вмешательство извне, потому как право центра, согласно *translation imperii*, перешло к Византии, а затем к России) [3]. И здесь снова возникает тринитарный концепт Данте, однако в Восточном (и славянофильском!) исполнении, где секуляризация папства, подразумевает смещение

фокуса с Папы на Монарха. Складывается модель: Монарх, затем Священник, и Пророк, связующий их, но обращающийся к первому лицу.

Источники и литература

- 1) Данте Алигьери. Монархия. М., 1999. – 191 с.
- 2) Божественная комедия Данте Алигьери в переводе В. Б. Микушевича. М., 2020. – 864 с.
- 3) Соловьев В. С. Великий спор и христианская политика Сочинения : в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 59–168.
- 4) Тютчев Ф. И. Россия и Запад. Полное собрание сочинений и письма: в 6 т. М., 2003. Т. 3. С. 183–235.